О.М.Анисимова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВДЕ, ЛЮБВИ, ДОБРЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XII-XIII вв.

В изучении стилистики древнерусской литературы XII в. особую роль играет выявление нравственных и эстетических представлений, влиявших на мироощущение людей того времени [1]. Они определяли неповторимые черты материальной и духовной культуры, и даже обыденной жизни, отразившейся в грамотах. Однако многие широко распространенные представления трудноуловимы для исследователя,потому что были связаны, как правило, с устной культурой. Причем, чем отдаленнее эпоха, тем сложнее их изучение, так как почти не сохраняется фольклорных текстов, записей неофициального характера и т.д. Особый интерес в этом плане представляет собой древнерусская культура XII в.: за такими выдающимися памятниками, как "Поучение Владимира Мономаха", "Слово о полку Игореве", "Слово Даниила Заточника", "Слово о погибели Русской земли" многими исследователями предполагалась система ценностей, восходящая не только к книжной, но и к устной культурной традиции [2]. Однако для XII в. число источников, по которым

---

[1] Данный аспект исследования средневековой культуры наиболее полно рассматривается: Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. - М., 1986. - С.153-167. Здесь же приведена библиография новейших работ на данную тему.

[2] О возможных устных источниках этих памятников см., например: Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978. - С.7-39, 150-198; Айналов Д.В. Очерки по истории древнерус-

эту культурную традицию можно было бы восстановить, очень ограниченно. Среди археологических находок особенно ценны берестяные грамоты, точно датируемые и отражающие часто бытовую, неофициальную переписку людей. В литературных же памятниках Древней Руси следы интересующих нас представлений можно обнаружить, изучая стилистические формулы в прямой речи древнерусских летописей. Обратимся к ним подробнее.

Прямая речь в древнерусских летописях - явление совершенно особое и очень интересное. Прежде всего, обилие прямой речи и ее жизненно реальный, а не вымышленный характер резко отличает оригинальную древнерусскую литературу от переводной (от византийской, от западноевропейских хроник). На это явление обращали внимание многие исследователи (Д.С.Лихачев [3], Н.А.Мещерский [4]).

Более того, когда древнерусскому книжнику надо было перевести греческий текст, то "большая живость изложения достигается в переводе через почти всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой речью" [5]. Наиболее подробно прямая речь была исследована в

ского искусства: I. Два примечания к "Слову Даниила Заточника // ИОРЯС. 1900. Т.XIII, кн.1. - С.352-364; Лихачев Д.С. Социальные основы стиля "Моления Даниила Заточника" // ТОДРЛ. - М.;Л., 1954. Т.10. - С.106-119; Воронин Н.Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. - М., 1966. - С.52-101.

3 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

4 Мещерский Н.А. "История Иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе. - М.; Л., 1958.

5 Там же. - С.82.

трудах Д.С.Лихачева. Из новейших исследований прямой речи в "Повести временных лет" посвящена диссертация Е.В.Душечкиной [6], в "Киевской летописи" - лингвистическое исследование В.Ю.Франчук [7]. В отличие от Д.С.Лихачева, Е.В.Душечкиной Ю.В.Франчук считает, что прямая речь, до того как попала в летопись, бытовала не в устной, а в письменной форме в виде посланий. Но даже если принять эту гипотезу, все равно послания безусловно отражали стилистическую культуру устной речи, только еще через одно опосредованное звено. Нам представляется более убедительной гипотеза Д.С.Лихачева, который утверждает, что прямая речь в древнерусских летописях отражала поэтику устной речи более или менее непосредственно [8], и конкретный стилистический анализ это подтверждает.

Д.С.Лихачевым выделены три типа прямой речи в летописании: фольклорная, заимствованная из переводных произведений и посольская [9]. Культура устной речи отражена в фольклорных и посольских речах. К ним мы и обратимся. Стиль прямых речей изучался в следующих аспектах. Была отмечена афористичность прямой речи и приводились отдельные примеры яркой художественной образности, например, "можете ли древо поддържати сулицами, а на сию рать дерзнути"

---

6 Душечкина Е.В. Художественная функция чужой речи в киевском летописании: Дис. ... канд.филол.наук. - Тарту, 1973.

7 Франчук В.Ю. Киевская летопись. - Киев, 1986.

8 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947; Он же. Русский посольский обычай XI-XIII вв. // Исторические записки. - 1946. Т.18. - С.42-55; Он же. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978.

9 Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.153-155.

(И.540) [10]. "Мира не хочем, а мужи у мене; а далече есте" или "вышли есте акы рыбы на сухо" (Н.1. 159-160) [11]. Обращалось внимание на выразительность метонимии и антитезы [12]. Однако наиболее подробно была изучена феодальная и военная терминология, отраженная в прямой речи летописи: "всесть на конь", "взять на щит", "ударить копьем", также употребление слов: "меч", "стяг", "копье", "конь", "ворота", "обида" и др. [13]

Для нас же наибольший интерес представляет иной аспект исследования стилистических формул в прямой речи, еще не рассматривавшийся подробно учеными. Это - стилистические выражения, отражающие эмоциональные состояния человека или нравственную оценку совершающегося. Дело в том, что прямая речь в летописи появляется всегда в наиболее драматические, эмоционально чрезвычайно напряженные моменты человеческой жизни. Таково большинство диалогов, восходящих к фольклору, например, Ольги и древлян, Яна и волхвов. Во всех случаях - это прямая речь между убийцей и его будущей жертвой, это предсмертная речь. Сохранились и остатки похоронных плачей (например, плач новгородцев по Мстиславу. И.413). С трагическими ситуациями связаны речи перед

---

[10] Летопись по Ипатьевскому списку. - СПб., 1871. (Здесь и далее ссылка на это издание приводится в тексте (И.) с указанием страниц).

[11] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н.Насонова. - М.; Л., 1950. (Здесь и далее ссылки на это издание приводится в тексте (Н.1) с указанием страниц).

[12] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.159-168.

[13] Там же. - С.165-189.

битвой, когда воинам уже "некуда деться" (уже "некамо ся дети"), "здесь и умереть" ("Уже нам сде пасти") – они исследованы Д.С.Лихачевым [14]. И, наконец, почти все посольские речи связаны с постоянными драматическими событиями XII в. – братоубийственными крамолами, разорениями и т.п. Безусловно трагичны и крестоцеловальные речи, связанные с нарушением клятв, клятвопреступлениями.

Таким образом, широкое использование прямой речи объясняется и драматизмом жизни человека периода феодальной раздробленности, междоусобий, войн и т.д. Поэтому в прямой речи летописей XII в., кроме ее информативной, деловой части, описывающей военную, генеалогическую (кто кого старше) или иную ситуацию, рекомендующей, как и что надо конкретно делать, есть часто элемент и эмоционального отношения к происходящему и нравственной оценки его. Это и понятно. Ведь основная цель посольских речей, крестоцеловальных, а также диалогов – выяснение человеческих взаимоотношений, выражение эмоционального отношения друг к другу, споры, попытки самооправдания и нравственной оценки случившегося. Обычно информативная часть прямой речи содержит описание военных действий, поэтому представлена военной и феодальной терминологией и наиболее традиционна ("взять на щит", "всесть на коня" и т.д.). Этот раздел изучен исследователями, и была подчеркнута устойчивость традиционных формул, употребляемых здесь. Совершенно иную картину представляет собой стилистическое выражение эмоциональных состояний и нравственных оценок.

Прежде всего, обратимся к тому, как сам летописец характеризует многие речи с эмоциональной стороны.

Книжником ситуация произнесения речи описывается обычно как "пря велика, злоба" (И.213) или "распре мнозе и речи велице" (И.463).

---

[14] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение; Он же. Русский посольский обычай XI–XIII вв. – С.42–55.

Очень часто используется эпитет "буюю речь". "Слышав же князь великый речь их буюю" (Л.410) [15]. Иногда - эпитет "тяжкие" или "крепкие" речи. "Иванко же възьми тяжкы речи", "речи продолжившиеся и пребывши крепце межи ими" (И.345).

Интересно, что когда летописец говорит о "буей" речи, самих ("буиных") слов он обычно не приводит; о том, какой характер могли иметь в реальности или в быту эти речи, дает представление бытовая переписка, найденная в новгородских берестяных грамотах, и статьи устава Ярослава о штрафе за оскорбление словом (за оскорбление боярской жены - 5 гривен злата, т.е. столько же, сколько за раба и т.д.).

Берестяная грамота XII в. (№ 531) [16] показывает реальную ситуацию произнесения "буих" слов и ее трагические последствия: "Како еси возложило поруку на мою сестру и на доцерь еи, назовало еси сьтру мою коровою и доцере блядею. А нынеца Федо прьехаво услышаво то слово и выгонало сестру мою и хотело потяти". Т.е. слова бывали и такие, за которые могли убить.

Очень интересно наблюдать, как эта "пря велика", "злоба", "многие распри", "буии речи" реальной жизни, отраженные в берестяных грамотах, выливаются в афористически сдержанные, лаконичные формулы прямой речи летописи. Например, посмотрим, какие слова Ольговичей приводит летописец после упоминавшегося уже выражения: "... и бысть в том межи има пря велика злоба, идяху, слово рекуче, Олговичи: "яко вы начали есте перво нас губити" (И.213).

---

[15] Летопись по Лаврентьевскому списку. - СПб., 1872. (Здесь и далее ссылка на это издание приводится в тексте (Л.) с указанием страниц.

[16] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). - М., 1978. - С.131-134.

Очевидно, существовал какой-то поэтический отбор слов и выражений, попадавших в летопись, возможно, на него оказывала влияние культура устной речи, в которой традиционно отбирались наиболее выразительные и одновременно наиболее емкие стилистические формулы. Возможно, определенный речевой этикет, влиявший на эту устную традицию, отражен, например, также в берестяной грамоте XII в. (№ 605) [17], представляющей собой письмо монаха Ефрема к монаху Исихию, в котором Ефрем просит Исихия выразиться совсем иначе: "А чему ся гневаеши. А я вьсъгда у тебе. А сором ми, оже ми лихо сълвляше: "И покланяю ти ся братьче мои". "То си хотя мълви: "Ты еси мои, а я твои". По наблюдению А.А.Зализняка [18] лаконизм, афористичность и сдержанность в выражениях свойственны стилю большинства берестяных грамот.

Обратимся к рассмотрению того, в какие стилистические обороты оформляется прямая речь в летописях. Отметим очень интересное явление. По анализу стилистических формул прямой речи, отражающих эмоциональные состояния и представления, можно в какой-то мере выявить систему нравственных ценностей авторов речей XII в. Это и понятно, т.к. во время междоусобных войн, переговоров, преступлений в своих речах люди либо занимаются самооправданием, либо, наоборот, осуждают кого-то, либо предостерегают, и, естественно, апеллируют к каким-то важным нравственным оценкам. Эти этические представления, отраженные в прямой речи, интересны особенно еще и тем, что затвердев в традиционных стилистических формулах, они представляют собой расхо-

---

[17] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 г.). - М., 1986. - С.66-70.

[18] Зализняк А.А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте: Исследования по структуре текста. - С.147-182.

жие, обыденные, во многом независимые от переводной книжности нравственные ценности. И частично их можно восстановить, если исследовать стилистику речей. Обратимся же к стилистическому анализу.

В прямой речи летописи мы не встретим того разнообразия передачи трагических эмоциональных состояний человека, как в косвенной. Скорее, наоборот, в древнерусской литературе как будто бы не было традиции изливать свою скорбь в прямой речи.

Если в косвенной речи летописей отрицательные эмоции чрезвычайно разнообразно выражены через экспрессивные перечисления синонимов, таких как скорбь, туга, печаль, горе, беда, то в прямой речи картина иная: мы встречаем здесь только два широко распространенных способа описывать свою скорбь (боль): при помощи слова "лихо" и стилистические вариации со словом "сердце". Это наиболее типичные художественные средства. (Очень ярко они проявились также в "Поучении Владимира Мономаха"). Другие же описания отрицательных эмоций явно книжные по происхождению, встречаются редко и являются исключениями из правила. Они большей частью привнесены из агиографической литературы. В редких описаниях горестных эмоций в прямой речи (типа "выдать на великую муку", "избавить от великой беды"), кроме того чувствуется акцент не на самом переживании, а на реальном содержании несчастья. Горе в прямой речи как бы предстает со стороны тех материальных лишений и последствий, которые оно приносит. Поэтому часто встречаются и следующие выражения: "тягота": "тяжко", "трудно", "держать в нужи", "болен". Эти упоминания единичны и описывают не эмоции, а обозначают конкретную драматическую ситуацию. В воинском контексте встречаются "зло", "пакость" в значении урон, ущерб и "лесть" (ложь, обман, хитрость). Употребляются и обозначения конкретных отрицательных явлений, близкие к терминам - "вражда", "тяжа", а также "обида" (рассмотренная подробно Д.С.Лихаче-

вым[19]).

Мы видим, что когда книжник обращается к отрицательным явлениям жизни и к описанию трагических эмоций, то в прямой речи, в отличие от косвенной, он предпочитает существительные с более конкретным значением. Это явление - следствие особой тенденции, проявившейся в прямой речи летописи. Для книжника наиболее важно не выражение эмоционального состояния, а нравственно оценочный момент. И потому за стилистическими формулами, существительными, наречиями и прилагательными, выражающими оценку, встает для нас целая система нравственных и моральных ценностей древнерусского общества. По частоте употребления тех или иных формул мы можем подойти к раскрытию этих представлений. Прежде всего, подчеркнем следующее наблюдение: система нравственных ценностей представлена в виде четких бинарных оппозиций, очень часто выделенных и поставленных рядом в прямой речи.

Часто мы встречаем развернутые противопоставления. Наиболее распространены антонимические сочетания добро - зло, добро - ложь. Но встречаем и другие: "... яз, брате, не лиха хотя тобе бороню не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Рускые" (И.343). "Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоваться, и возьмут землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающе по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую". Се слышав Володимер, росплакавься и рече: "Поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити..." (Л.254).

---

19 Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.187-189.

Противопоставление "лиха" "добру" и "тишине", а также желания погубить землю тому, что ее "зблюли" отцы и деды, напоминает противопоставление усобиц, мятежей, ратей, крамол - тишине и покою в Русской земле в косвенной речи в "Повести временных лет": "И уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли" (Л.145); и в "Галицко-Волынской летописи": "Начнемь сказати бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи, измлада бо не бы има покоя" (И.501).

Но здесь чувствуется и небольшая разница, если положительными ценностями и в прямой, и в косвенной речи являются "тишина" и "покой", то в прямой речи добавляется нравственно оценочное существительное "добро". Отрицательные явления жизни, подробно и конкретно перечисленные в косвенной речи, обобщенно охарактеризованы в прямой речи как "лихо" и "погубить". И это выражение эмоционально-этического отношения, а не реалий исторической жизни. Таким образом, и в прямой, и в косвенной речи летописи отражены одни и те же представления о положительных и отрицательных ценностях человеческой жизни, но выражены по-разному, в косвенной - через конкретное описание реальных исторических явлений, в прямой же - через нравственно-этическую обобщенную оценку их.

Очень важным представлялись также книжникам противопоставления истинного, справедливого - ложному. За ними явно чувствуется афористическая завершенность, свойственная поговоркам или пословицам: "Еда се право будеть, или лжа, - не веде; и рече Святополк к Давыдови: "Да аще право глаголеши, Бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Бог будеть за тем" ("Повесть об ослеплении Василька Теребовльского" (Л.248); "Право ли, криво ли - надели же мене" (И.393).

Встречается противопоставление "воли" - "нужде": "Игорю! целуй крест, якс имети братью в любов; а Володимир, и Святослав, и Изяс-

лав целуйте крест ко Игореви; что вы начнеть даяти, но по воли, а не по нужи" (И.227).

Очень ярко это явление отразилось в "Слове о полку Игореве". "На реце на Каяле тьма светь покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы пардужье гнездо. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеся Див на землю" [20].

Мы видим, что таинственное объяснение боярами загадочного же самого по себе сна Святослава восходит к той же системе нравственно эмоциональных оппозиций, которая распространена в других памятниках XII в., и стилистически выражено подобно поговоркам "по воли, а не по нужи"; здесь оно приобрело олицетворенный характер "нужда" бросается на "волю", т.е. в метафорически образной картине "Слова о полку Игореве" эта система нравственных оппозиций как бы оживает. Любопытно, как положительные части этой оппозиции, встречающиеся в прямой речи бояр, так/же встречаются в летописи. Например, хвала - "мы есмы ци не князи же? поидем такыже собе хвалы добудем" (Л.376); "по имени твоем тако и хвала твоя" (Л.401). Воля - "... а ноне всю волю твою стваряем, чего то хощеши" (Л.411).

"Слово о полку Игореве" как бы впитало в себя распространенные формулы прямой речи, совместив в маленьком отрывке противопоставленные нравственные ценности и увенчав их обобщенно ярким представлением - "тьма свет покрыла". (Причем речь здесь идет и о "погибели" Русской земли, описание которой также часто встречается в прямой речи летописи).

Итак, предварительно можно заметить следующее. Если в косвенной речи летописи и памятников мы встречаем синонимические сочетания су-

---

20 "Слово о полку Игореве" / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. - М.; Л., 1950. - С.20.

ществительных, своеобразные эмоциональные перечисления их ("туга и беда", "печаль и скорбь" и т.д.), то в прямой речи картина другая. Здесь мы почти не находим синонимического нагромождения существительных, выражающих экспрессивные состояния. Их крайне мало. Акцент же в прямой речи на существительных, имеющих нравственное значение. Причем вместо сочетания синонимов мы встречаем здесь яркие противопоставления, оппозиции. Следовательно, если в косвенной речи важен был акцент на трагедийности бытия человека, важно было усилить выразительные средства этого - отсюда концентрация печали, туги, скорби, то в прямой речи древнерусский человек осуществляет свой нравственный выбор - поэтому здесь не синонимы, а антонимические противопоставления. И эта система нравственных оппозиций предстает ярко и законченно: лихо (зло, пакость) - добро; погибель (вражда, мятеж) - тишина; не любовь - любовь; лесть (неправда, ложь) - правда; нужа - воля; хула - хвала.

Об этой антонимичности, противопоставленности свидетельствует и большое количество существительных и наречий с частицей не: любовь - нелюбовь, добро - недобро, создающих в прямой речи как бы антонимические пары.

Но эта система нравственных и жизненных оппозиций, восстанавливаемая по прямой речи, обладает яркой чертой. Мы встречаемся с особой выделенностью и широкой распространенностью нескольких существительных (и однокоренных наречий), отражающих положительную систему ценностей. У них очень широкая семантика, и создается такое впечатление, что на них сделан особый акцент. Это - "правда", "добро", "любовь". (По широте употребления с ними можно только сравнить "погибель" и глагол "погибать", остальные отрицательные понятия встречаются гораздо реже). Для древнерусского книжника, очевидно, "правда", "любовь", "добро" представляли особо важную положительную ценность.

Рассмотрим же семантику понятий: "правда", "любовь", "добро" в прямой речи.

"В правду ходить"

Д.С.Лихачев среди ряда терминов, связанных с феодальными отношениями, называет "учинить неправду", "погубить правду" [21]. В перечисленных же далее случаях мы встречаемся с подобными понятиями, играющими роль нравственной оценки.

"Иметь в правду": "Брате! на том аз целовал к ним хрест, оже ти я имети в правду и любити" (И.230). "Всих нас старей отець твой, но с нами не умееть жити, а мне дай Бог вас, братью свою, всю имети и весь род свой в правду, аю и душю свою" (И.257). "Имаим правду во сердци своем" (И.500).

"Приять в правду": "Се брате... яз же тя приях в правду... Ты же еси, брате, удумал был тако... и тобе было въехавши в Киев, брата моего яти и сына моего... и дом мой взяти" (И.261), встречается это выражение и в берестяной грамоте XIУ-XУ вв. (№ 473) [22]: "Поклон... и к Ивану... прияле в...мъ правду... делъ, а от м...". Это свидетельство того, что в XIУ в. это выражение было распространено в бытовой переписке.

"Ходить в правду" ("в правду сей путь ходить"): "В правду ли идеши? а тако же ми яви, ать не погубити волости моея, ни мене в тяготу вложиши" (И.263); "... в правду ли идеши на Изяслава? Како хощю не в правду ити?" (И.263); "се есмы путь замыслили велик, а то есть утверждение дед наших и отец наших, хрест есме целовали; а

---

[21] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.186.

известимся и еще, ако на сем пути ни тяжи имети, ни которого же извета, но во правду сий путь сходити и с противными ся бити" (И.244). "Ходи... на всю правду" (Н.1.37).

"Правду делать": "Вам Бог тако велел быти: правду деяти на сем свете, в правду суд судити и в хрестном целованьи вы стояти" (И.363).

Как мы видим, в этом высказывании четко определена вся система нравственных ценностей и жизненная позиция князей в мирской жизни. Она сформулирована при помощи повторения одного слова "правду" - "правду деяти на сем свете", "суд в правду судить" и характерная черта XII в. - не изменять крестному целованию. Т.е. представление о "правде" оказалось настолько емким для человека XII в., что все - положительную цель и ценность жизни можно было сформулировать "правду деяти на сем свете". Здесь же видно, что это понятие не только широкое, но и наполнено конкретным жизненным содержанием, т.к. стоит в одном ряду с такими реалиями, как крестное целование, суд и т.п. Знаменательно в этом плане и название главного юридического памятника - "Русская правда".

И, соответственно, "неправду учинить": "Мне еси учинил неправду, а себе еси погубил" (И.546). "Неправда" здесь поставлена в один ряд с "погубить"; "а город пожгоша весь, за Новгородьскую неправду, оже на дни целують крест честный и переступають" (Л.366).

"Правый" (прав): "Перед вами не творится прав, но кланяеться и милость ваю хочеть, аз же не прост есмь ходатай межи ваши: ангела Бог не послеть, и пророка в наши дни нетуть, ни апостола" (И.273). Прилагательное "правый" употребляется с разными существи-

---

[22] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). - С.69.

тельными, и когда сочетается с ними, то семантика его становится очень значительна: "право" - "слово, путь, весть, ряд"; "а наю слово право будеть к вама" (И.371). "Изведи мя на путь правый, живот примеши" (И.540). "Вести от тебе ждати правое" (И.469).

Представление о правде как истине, правоте [23] - одно из важнейших понятий древнерусского человека. Мы видим, как постоянно оперирует он им в прямой речи летописи. Сказать: "иметь в правду" - значило все сказать для летописца.

Представление о правде (и соответственно, неправде - кривде) пришло из переводной литературы. Противопоставление праведного человека и пути неправедного - одно из главных, например, в "Псалтыри", где речь идет о духовной истине - и, соответственно, о неправедности и грехе (т.е. противопоставление правда - грех, праведник - грешник). В апокрифах интересный образ, где правда как бы олицетворена (одухотворена). В "Беседе трех святителей": "Что есть: стоит бел щит, а на нем сидит сокол, и прилетела злая сова и отгнала сокола? - бел щит - свет сей, а на нем сидит сокол - то есть правда: а прилетела злая сова - то есть кривда, и отгнала правду, а лжа - кривда осталась" [24] .

Это горькое ощущение утраты правды будет ярко использовано впоследствии в "Повести о Псковском взятии". Князь московский велел боярам своим: "... а велел им в суде сидети с наместники и с тиуны, правды стеречи, и у наместников и их тиунов, и у дияков великого князя правда их и крестное целованье возлетела на небо, а кривда в

---

[23] Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. - СПб., 1895. Т.II. - С.1355-1356.

[24] Памятники литературы Древней Руси: XIII век.- М., 1981.- С.144.

них нача ходити, и нача быти многая злая в них, быша немилостивы до псковичь; а псковичи бедныя не ведаша правды московския"[25].

Правда вырастает здесь не только в оживший обобщенный образ, ее наместники и тиуны стерегут, она сочетается и с совершенно конкретными реалиями - суд, наместники, тиуны, дьяки.

Итак, придя из переводной книжности, важнейшее понятие нравственной жизни - "правда" - стало широко распространенным, даже в быту (встречается в берестяных грамотах XIУ в.), но приобрело в прямой речи летописи особое значение и значимость. Она либо отражает истинность конкретной прожитой жизни человека ("правду деяти на сем свете","в правду суд судити"), либо представляет собой утверждение правды, истинности в ситуации почти всегда с реально драматическими подробностями. Это может быть ссора между сыном и отцом ("всих нас старей отець твой, но с нами не умееть жити" - И.257), захват дома, волости, сына, брата. "Путь в правду ходить" - это нечто противоположное "тяже", "извету" (лести). Неправда - это погибель, она связана обычно с нарушением крестоцелования и т.д. Иными словами, "правда" перестает быть только обобщенным смыслом, праведностью (противопоставлением греховности), как в переводной книжности. В сложной, коварной (неправой) жизни XП в. - слово правда приобретает в прямой речи особый оттенок единственной ценности, которая близко связана с этими крестоцеловальными преступлениями, изветами, постоянно противопоставляется им как идеал правды в человеческих отношениях. То, что это слово обладало для древнерусского человека реальной конкретностью, подтверждается и следующим.

Кроме существительных "правда", "любовь", "добро" в прямой речи

---

[25] Памятники литературы Древней Руси: Конец XУ - первая половина XУI века. - М., 1984. - С.374.

широко распространены и прилагательные "правый", "любый", "добрый" и особенно наречия "право", "любо", "добро". То, что важным положительным понятиям соответствуют наречия (обозначающие эмоциональные, нравственные отношения), говорит о почти разговорной актуальности этих понятий, перешедших в образный язык, закрепленных в расхожих выражениях, бытовой речи.

Укажем некоторые примеры с наречиями "право": "право ти, отце, молвлю" (И.312); "право, сыну" (И.328); "тако же, отце, и учини тако право" (И.392, то же И.298, 341 и т.д.). То же в берестяной грамоте рубежа XII-XIII вв. (№ 222) [26] : "От Матья к Гюргю. То пьрьво семо пришльт над усрячю тяи и ожь ли право запираються. Я даю княжю дьньскамоу гривьноу сьрьбра едоу с нимо...". В переводной же литературе словом "право" переводится иногда "аминь".

Наречие "право", встречаясь и в высоких евангельских текстах, и в берестяных грамотах, используется и для особого убеждения адресата ("право воистину тако есть", "право ти молвлю"), и для усиления утверждения чего-либо ("право, брате" и "учини тако право").

Другое важное понятие, часто встречающееся в прямой речи летописей, любовь.

"Быть в любви"

В.Ю.Франчук отметила в "Ипатьевской летописи" случаи значения слова "любовь" как "мир, согласие, мирный договор" в выражениях "послати с любовью", "прияти в любовь", "сотворить любовь" [27] . Доба-

---

[26] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956-1957). - М., 1963. - С.44-45.

[27] Франчук В.Ю. Киевская летопись. - С.121.

вим еще несколько примеров. Кроме "принять" - "ввести в любовь". "Ввести в любовь": "Введи мя к Гюргеви в любовь" (Л.309); "брате! въведи мя к отцю в любовь" (Л.312). "За первую любовь": "Сыну! За первую любовь не могу на нь востати, а налези собе други" (И.489).

"С любовью": "С великою любовью". "С великою любовию и с великою честью" (И.309). "И прия Гюрга сыновець в мир с любовью, и волости им раздал достоиныя, и бысть тишина в Русьстеи земли" (Н.I.29). Здесь "любовь" в значении мир сочетается с тишиной в Русской земле. "Братья моя! возмите у мене с любовию, что вы дах, Городень, Рогачев, Берестий, Дорогичин, Клическ" (И.223). "Оже мя въправду зовете с любовию; то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцем собе в правду и в моемь вы послушаньи ходити" (И.344); "брате и свату! отчину нашю и хлеб нашь взял еси; ажь любишь с нами ряд правый и в любви с нами быти, то мы любви не бегаемь, и на всей воле твоей станемь; пакы ли что еси умыслил, а того не бегаемь же, да како ны Бог разсудить с вами и святый Спас" (И.469).

В двух последних примерах "любовь" входит в одно сочетание с "волей" ("зовете с любовью", "иду на волю") и с "правдой" ("имети в правду"). В другом случае соединяются так: "ряд правый", "в любви быть", "любви не бегаешь", "на всей воли встать". Мы видим, как князья XII в. все свои представления о лучших человеческих отношениях, светлую картину их изображают опять-таки при помощи одних и тех же стилистических формул ("с любовью", "в правду", "на воли" и т.д.). Очевидно, и для адресатов этих речей эти словесные выражения представляли важность и могли их убедить.

То, что понятие любви в отношениях между людьми XII в. несло большую смысловую нагрузку, доказывается и тем, что в "Повести временных лет" летописец посвящает ему очень яркое эмоциональное отступление, в котором любовь предстает как основа всего живущего, не-

кая всеобщая связь. Начинается оно умелым подбором цитат: "Соломон же рече: братья, в бедах пособива бывают, любы бо есть выше всего. Якоже Иоан глаголеть: Бог любы есть, пребываия в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает", о сем свершается любы, да достоянье имам в день судный, да якоже он есть, и мы есмы в мире сем; боязни несть в любви, но свершена любы вон измещеть боязнь", яко боязнь мученье имать, бояй же ся несть свершен в любви; аще кто речет: любьлю Бога, а брата своего ненавижю, ложь есть, не любяй бо брата своего, егоже видит, Бога егоже не видит, како можеть любити? сию заповедь имамы от него, да любяй Бога любить брата своего". И далее очень важное рассуждение летописца. "В любви бо все свершается: любве ради и греси расыпаются, любве бо ради сниде Господь на землю и распяться за ны грешныя, взем грехы наша, пригвоздися на кресте, дав нам крест свой на прогнанье ненависти бесовьское, любве ради мученици прольяша крови своя, любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповедь Господню" (Л.197).

Любовь предстает здесь какой-то всемогущей силой, лежащей в основе бытия, очевидно, поэтому так страстно и апеллирует к ней книжник. (Эти представления отразились также и в частом употреблении наречия "любо"). Впрочем, таким же сильным представлялось древнерусскому человеку и зло, а особенно - зол человек, и оно тоже вызывало у летописца бурные высказывания: "Зол бо человек, тщася на злое, не хужи есть беса; беси бо Бога боятся, а зол человек ни Бога боится, ни человек ся стыдить; беси бо креста ся боять Господня, а человек зол ни креста ся боить" (Л.132 в повествовании о Святополке Окаянном). "Зол бо человек против бесу, и бес того не замыслить еже зол человек замыслить" (И.371).

Итак, отображению ярких представлений о любви и зле посвящены в летописи специальные отрывки (есть подобные отрывки и о лести). Но

и добро является в прямой речи летописи столь же могущественным, важным и распространенным понятием.

"Добро творить"

Можно предположить, что "добро" еще шире, чем "любовь" и "правда" бытовали в устной речевой культуре. Выражения с этим словом часто встречаются в берестяных грамотах и даже, например, в таком уникальном случае, как фраза из "Слова Даниила Заточника": "Глаголеть бо в мирских притчах: "речь продолжена не добро, добро продолжена паволока" [28]. Автор тут прямо ссылается на бытование этого слова в мирских притчах.

Примеры сочетаний со словом добро многочисленны. "Отче! добро бяшеть тишина, но оже ся уже не годило; но абы ны Бог дал ты сдоров был" (И.417); "... аже бы лиха хотел, то что бы ми годно; то же бы створил; а ныне целовал еси хрест ко мне, аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Бог будеть за всим" (И.219); "оже добре надееши-ся на Кияны, то ты сам ведаеши людия своя, а комони под нами, а добро, княже, друг прибудеть" (И.287); "поеди с своими полкы близ моего полку, а кде яз стану, ту же и ты стани, ать добро нам о всем гадати" (И.309); "а добро ти бы ради не починавши переди; аже дееши" (И.342); "добри бо вси бьяхуться идуще пеши" (И.493); "добро видил еси от нас, и изиди с нами на Ятвезе" (И.538). В плаче новгородцев по Мстиславу: "добро бы, ныны, господине, с тобою умрети створшему толику свободу Новгородцьцем от поганых" (И.413). Во всех этих примерах слово "добро", очевидно, несло на себе эмоциональное ударение,

---

28 Зарубин Н.Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII-XIII вв. и их переделкам. - Л., 1932. - С.35.

должно убедить адресата.

В прямой речи встречается также много противопоставлений добр. - зло, добро - лихо, например: "Или на добро, или на наше зло, а то же нам видити" (И.431).

Очень распространено "добра хотеть": "Хотя ти добра и тишины земли Русской" (И.248). "Ожи межи нами добра хочете; а жизни нашея ни сел наших не губите" (И.271).

В этом и следующих примерах добро уже раскрывается в противостоянии с отрицательными явлениями (губить, кровь пролить, головы ловить): "ты ему добра хотел, а он головы твоея ловить... а он хочеть кровь прольяти" (Л.362); "княже! мы тобе добра хочем, и за тя головы свое складываем, а ты держишь вороги свое просты" (Л.365). (То же И.226, Л.296; И.337).

"Добро творить": "Брате и сыну! много ти есмь добра творил и не чаял есмь сякого возмездия от тебе; но же еси умыслил на мя зло и ял сына моего..." (И.419. То же И.422). Это выражение встречается и в берестяных грамотах. В грамотах конца XI - первой трети XII вв. (№ 613) [29] : "Грамота от Воньга къ Ставъро (ви). ... и ногате въ боръзе, а добр сътвори хъчоу ити". В грамоте XII в. (№ 87) [30] . "От Дрочке от папа пъкланяние ко Демеяноу и къ Мине и къ Ваноукоу и къ въхемо вамо добре створя".

Эти древние грамоты отражали обыденное, расхожее употребление выражения "добро створя" и подтверждают близость прямой речи летописи к употреблению этих выражений в быту; часто употребляется и

---

29 Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). - С.76.

30 Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953-1954 гг.). - М., 1958. - С.12-13.

"добром" с разными глаголами: "ведомо буди, хочю искати Новагорода и добром, и лихом" (И.349). Перед убийством Игоря Ольговича кияне говорят: "мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо" (И.246, Л.301); "пакы ли не поидешь добром, иду на тя ратью" (Л.406); "дай мою дружину добром, каю то еси у мене поял" (Л.382).

Нетрудно заметить, что эти высказывания содержат угрозу. Драматические последствия того, что человек не жил добром с братом, отражены также и в берестяной грамоте XII в. (№ 487) [31] : "... веляшь деяти. А ты чърьсо силу деял. Аж бы ти (добром) жил з братом" ... на обратной стороне грамоты "...живи ж со Лукою, а возывахо тя с строю повесткою".

Широко распространен и эпитет "добрый", сочетающийся с разными существительными. Приведем лишь самые яркие примеры. "Добра ли вы есть честь" (Н.1.111). В берестяной грамоте XV в. (№ 122) [32] : "Слово добро от Ксифа брату Фоме. Не забудь Льва с позъве до рьжи. А позъвале Родиване Падиногине. А иное все добро, здорово. Ат ъ то помъни". "Кто вы добр, того любите, а злих казните" (Н.1.50).

"Не добро": "Княже! не стряпай, еди вборзе, Всеволодичь бо недобре жил с отцем твоим и с тобою; ачи что замыслить лихое?" (И.357). "Не добро вам стояти сде близ воюющих нас иноплеменьников" (И.524).

Мы видим, представление о добре очень широко отразилось в разнообразии выражений и сочетаний, созданных на его основе, в частоте

---

[31] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962-1976 гг.). - С.79-80.

[32] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953-1954 гг.). - С.54-56.

апелляций к нему; стилистические формулы, связанные с добром, вошли и в прямую речь летописи, и в берестяные грамоты, очевидно, были и в мирских притчах. Возможно, они были одними из важных приемов убеждения, бытового красноречия XII в.

Итак, правда, любовь, добро в представлении древнерусского человека XII в. были важнейшими нравственными ценностями. На их основе создаются различные словесные сочетания, бытующие и в прямой речи летописи, и в берестяных грамотах. Представления о любви и зле ярко раскрываются летописцем и в особых эмоциональных отступлениях. Встречаясь в переводной книжности, слова правда, любовь, добро приобретают новое значение в прямой речи летописи и берестяных грамотах, с ними связана богатая цепь ассоциаций, почерпнутых из разных сфер жизни (суд, рати, пути, тяжи, ссоры, крестоцелования). Они стали расхожими, широко понятными выражениями, которые могли помочь человеку XII в. назвать и тем самым частично разрешить многие конкретные кровавые, запутанные события русской жизни XI-XII вв. с их нарушением клятв, предательствами, беззаконием. Во всех трагических и сложных случаях, и в осуждениях преступления крестоцелования, и в призывах к миролюбию древнерусские люди апеллировали сочетаниями со словами "правда", "любовь", "добро". Массовая распространенность их, и, возможно, разговорное употребление, выражалось также в том, что каждому из этих существительных соответствовали наречия - право, любо, добро, очень распространенные и придававшие убедительность речам в летописи.

Интересно, что представления о том, что должно быть, об истинной жизни человека, ее положительных ценностях и идеалах полностью вмещались в выражения со словами правда, любовь, добро и тишина. Других летописец почти не употребляет. Выразительная сила, заключающаяся в таком веском использовании немногих слов, была, очевидно,

огромной и достаточной для убеждения людей. Отсюда и афористичность прямой речи летописи. Древнерусский книжник обходится различными вариациями очень немногих выражений.

В отличие от нравственно значимых слов правда, любовь, добро, в прямой речи редки выражения, описывающие отрицательные эмоции человека. (В основном, это слово "лихо" и глагол "погибати").

Такое устойчивое употребление выражений, имеющих нравственную окраску, объясняется одной особенностью прямой речи в древнерусских летописях. В ней всегда чувствуется стремление подчеркнуть свою нравственную правоту или обвинить кого-то в неправоте. И поэтому в стилистические формулы прямой речи выливаются самые сокровенные, важные, волнующие представления об истинных ценностях жизни. Будучи произнесены почти всегда в трагических обстоятельствах, они утверждают лучшее, нравственное, идеальное. Поэтому в отличие от изображения трагических душевных состояний через экспрессивные перечисления синонимов в косвенной речи, в прямой речи мы встречаем систему оппозиций, антонимических противопоставлений нравственных ценностей (злу, лиху, погибели, лести, нуже, хуле противопоставляются добро, любовь, правда, тишина, воля, хвала).

Итак, изучая прямую речь летописи, можно выделить группу стилистических формул, отражающих нравственные представления и идеалы людей XII в. Их широкое бытование в летописании, а также в берестяных грамотах, позволяет предположить, что они отражают массовую и широко распространенную систему ценностей, в них ощущается стремление к некоему светлому идеалу и миру, где люди жили бы по правде, в любви и добре. Приобретя художественную законченность, те же самые представления возникают в "Поучении Владимира Мономаха", "Слове о полку Игореве", "Слове Даниила Заточника". Яркая образность этих памятников восходит к тем же идеалам правды, любви, добра, что и обыденные словосочетания в прямой речи летописей и берестяных грамотах.